

ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ЭЛИТЫ

Сэмюэл Хантингтон,
The National Interest, №75, 2004 год.
("Dead Souls. The Denationalization of the
American Elite" by Samuel P. Huntington)

Дебаты вокруг национальной идентификации являются всепроникающей характеристикой нашего времени. Частично они затрагивают риторические вопросы, но также имеют глубокое влияние на американское общество и политику Америки дома и за рубежом. Различающиеся представления, особенно между рядовыми гражданами и более космополитичными элитами, о том, что в себя включает национальная самоидентификация, - ведут к появлению различных национальных интересов и приоритетов в политике.

Взгляды широкой общественности на вопросы национальной самоидентификации значительно отличаются от взглядов многих элит. Общественность, в общем, обеспокоена физической безопасностью, но также и безопасностью общества, что включает в себя поддержание (в приемлемых для эволюции рамках) существующих форм языка, культуры, собраний, религии и национальной идентификации. Для многих элит эти озабоченности являются вторичными по отношению к участию в глобальной экономике, поддержке международной торговли и миграции населения, усилению международных институтов, продвижению американских ценностей за рубежом и способствованию (сохранения) идентификации меньшинств и их культур у себя дома. Центральное отличие между широкой публикой и элитами заключается не в изоляционизме относительно интернационализма, а в национализме относительно космополитизма.

Мёртвые души

В августе 1804 года Вальтер Скотт закончил написание "Песни последнего менестреля". В ней он спрашивал:

Живёт-ли в мире человек с душой настолько мёртвой,
Ни разу не сказавший сам себе о том,
Что "здесь моя земля, и здесь родной мой дом?"
И в чьей груди не возгоралось сердце,
Когда стопы домой решал он повернуть,
Окончив по чужой земле свой путь?

Современным ответом на вопрос Скотта будет "Да" - число мёртвых душ невелико, но оно растёт в среде предпринимательской, профессиональной, интеллектуальной и академической элит Америки. Обладая, по словам Скотта, "титулами, властью и тем, что награбастано", они также имеют уменьшающиеся связи с народом Америки. Возвращаясь с чужих земель назад в Америку, они вероятнее всего не будут переполнены глубокими чувствами привязанности к их "родному дому". Их отношение и поведение контрастно отличаются от подавляющего патриотизма и националистичной самоидентификации остальных членов американского общества. В Америке растёт значительный разрыв между мёртвыми или умирающими душами в среде её элит и "благодарной Богу за Америку" общественностью. Этот разрыв был временно затуманен патристическим единением после 11 сентября. Однако, при отсутствии повторяющихся подобных атак, вездесущие и фундаментальные силы экономической глобализации ведут к тому, что, по всей видимости, денационализация элит будет продолжаться.

Глобализация включает в себя огромное расширение международных контактов между людьми, корпорациями, правительствами, неправительственными организациями и другими образованиями; рост по числу и размерам международных корпоративных инвестиций, производства и рынков во всём мире и преумножение международных организаций, режимов и правил. Воздействие этих перемен на различные группы и страны различно. Вовлечение отдельных людей в процесс глобализации зависит почти напрямую от их социально-экономического статуса. У элит есть больше по количеству и по глубине транснациональных интересов, обязательств и самоидентификаций, чем у не-элит. Американские элиты, правительственные учреждения, предприятия и другие организации были намного более значимыми в процессе глобализации,

чем элиты других стран. Поэтому существует причина, по которой их приверженность к национальной самоидентификации и национальным интересам является относительно слабее.

Происходящие перемены напоминают на глобальном уровне то, что случилось в Соединённых Штатах после Гражданской войны. В то время, как стала развиваться индустриализация, предприятия не могли больше преуспевать, если их операции были ограничены какой-нибудь отдельной местностью или штатом. Им было необходимо выйти на национальный уровень для того, чтобы получить капитал, работников и рынки, в которых они испытывали необходимость. Амбициозные личности должны были стать географически, организационно и, до некоторой степени, профессионально мобильными и преследовать карьерные устремления скорее на национальном, чем на локальном уровне. Рост национальных корпораций и других национальных объединений способствовал развитию национальных точек зрения, национальных интересов и национальной власти. Законы и стандарты нации стали преобладать над законами и стандартами штатов. Национальное самосознание и национальная самоидентификация поднялись над идентификациями по отношению к штату и региону. Возникновение транснационализма, хоть и находящееся на ранней стадии, имеет, в некоторой степени, сходные черты.

Транснациональные идеи и их носители - люди - разделяются на три категории: универалистскую, экономическую и моралистскую. Универалистский подход на самом деле является американским национализмом и чувством особенности в крайнем их выражении. Согласно этому подходу, Америка является особенной не потому, что она является уникальной нацией, но потому, что она стала "универсальной нацией". Она слилась с миром путём прибытия в Америку людей из других обществ и посредством принятия другими обществами американской популярной культуры и ценностей. Различие между Америкой и миром исчезает из-за триумфа американской мощи и из-за привлекательности американского общества и культуры. Экономический подход сфокусирован на экономической глобализации как на трансцендентной силе, разрушающей национальные границы, соединяющей национальные экономики в единую мировую экономику и быстрыми темпами разъедающей авторитет и функции национальных правительств. Этот взгляд превалирует в среде директоров транснациональных корпораций, больших неправительственных организаций и подобных им организаций, оперирующих на глобальном уровне и в среде людей, обладающих профессиональными навыками, обычно высокотехнического характера, на которые существует глобальная потребность и которые, таким образом, имеют возможность карьерного роста путём передвижения из страны в страну. Моралистский подход низвергает патриотизм и национализм как силы зла и стоит за то, что международные законы, институты, режимы и нормы обладают превосходством в моральном плане над их эквивалентами в отдельно взятых нациях. Приверженность человечеству должна брать верх над приверженностью нации. Этот взгляд существует в среде интеллектуалов, академиков и журналистов. Экономический транснационализм коренится в буржуазии, моралистский транснационализм - в интеллигенции.

В 1953 году глава компании "Дженерал Моторс", получивший назначение на пост министра обороны, провозгласил: "То, что хорошо для Дженерал Моторс - хорошо для

Америки". Он был широко раскритикован за то, что не сказал "то, что хорошо для Америки - хорошо для Дженерал Моторс". По любому, и он, и его критики сделали предположение об совпадении интересов корпорации и страны. Однако теперь мультинациональные корпорации рассматривают свои интересы отдельно от интересов Америки. В то время, как их глобальные операции расширяются, корпорации, основанные и находящиеся в Соединённых Штатах, постепенно становятся менее американскими. В 1990-е годы такие корпорации как Ford, Aetna, Motorola, Price Costco и Kimberly-Clark, в ответ на предложение Ральфа Найдера (Ralph Nader) энергично отказались от проявлений патриотизма и открыто выставили себя в качестве транснациональных. Корпорации, базирующиеся в Америке и оперирующие глобально, нанимают своих работников и своих управленцев, включая верхушку, без оглядки на их национальность. Как сказал один официальный представитель в 1999 году, ЦРУ не может больше рассчитывать на кооперацию американских корпораций, как это было раньше, потому что корпорации рассматривают себя в качестве многонациональных и могут не считать, что помощь правительству США совпадает с их интересами.

Национализм доказал несостоятельность концепции Карла Маркса об объединённом международном пролетариате. Глобализация доказывает справедливость наблюдения Адама Смита о том, что "в то время, как владелец земли является обязательно гражданином отдельной страны, в которой расположено его поместье... владелец акций правомочно является гражданином мира, и не обязательно привязан к какой-нибудь отдельной стране". Слова Смита, датированные 1776 годом, описывают то, как себя рассматривают современные транснациональные предприниматели. Суммируя свои интересы с директорами 23 американских многонациональных корпораций и благотворительных организаций, Джэймс Дэвисон Хантер и Джошуа Ейтс (James Davison Hunter and Joshua Yates) делают заключение, что, конечно, эти элиты являются космополитичными: они перемещаются по миру и мир является сферой их ответственности. В самом деле, они рассматривают себя в качестве "граждан мира". Снова и снова, мы слышали, как они говорили, что чувствуют себя в большей мере "гражданами мира", которые, по случаю, обладают американскими паспортами, чем гражданами США, которые, по случаю, работают в глобальных организациях. Они обладают всем тем, что подразумевается под чертами космополитизма. Они утончены, урбанизированы и демонстрируют универсализм в своих взглядах и этических приверженностях.

Вместе с "глобализирующимися элитами" других стран, эти американские директора живут в "социально-культурном пузыре", отделённые от культур отдельных наций, и общаются друг с другом на общественно-научной версии английского языка, который Хантер и Ейтс окрестили как "глобальный говор" ("global speak").

Экономические глобализаторы сфокусированы на мире, как на экономическом подразделении. По словам Хантера и Ейтса, все эти глобалистские организации, а не только мультинациональные корпорации, оперируют в мире, очерченном "расширяющимися рынками", необходимостью в "конкурентном преимуществе", "эффективности", "эффективных вложениях", "увеличении доходов и уменьшении затрат", "рыночных нишах", "доходности" и "крайней черте". Они оправдывают эту сфокусированность на основании того, что они удовлетворяют нужды потребителей во всём мире. Это и есть их электорат.

"Чего глобализация достигла", - говорит консультант при компании Archer Daniels Midland" - так это переноса власти от правительств к глобальному потребителю".

Экономические транснационалы являются ядром зарождающегося мирового суперкласса. Совет по политике в области глобального предпринимательства утверждает, что призывы от возрастающе интегрированной глобальной экономики привели к появлению новой элиты. Окрепшие как "Давосский человек", "работники с золотыми воротничками" или ... "космократы", этот зарождающийся класс обретает силу благодаря новым представлениям о глобальных связях. Он включает в себя академиков, международных гражданских служащих и директоров глобальных компаний, также как и успешных профессионалов в сфере высоких технологий.

По оценкам, эта элита насчитывала в 2000 году 20 миллионов человек, 40% из которых были американцами, и её численность возрастёт к 2010 году в два раза.

Составляя менее 4% американского народа, эти транснационалы имеют мало нужды в лояльности к нации, рассматривают национальные границы как препятствия, которые, слава Богу, исчезают, и рассматривают национальные правительства в качестве пережитков прошлого, единственной полезной функцией которых является облегчение глобальных операций для этой элиты. Один директор корпорации по секрету предсказал, что в ближайшие годы "людьми, заботящимися о национальных границах, будут только политики".

Вовлечение в транснациональные институты, сети и деятельность не только определяет глобальную элиту, но также является критическим условием для достижения статуса элиты внутри наций. Некто, чья лояльность, идентификация и вовлечённость являются чисто национальными, имеет меньше вероятностей роста до высших должностей в бизнесе, академической среде, средствах массовой информации и профессиональных сферах по сравнению с кем-нибудь, кто преодолевает эти ограничения. Вне сферы политики, те, кто остаются дома, - остаются позади. Те, кто двигаются вперёд, думают и действуют в международном масштабе. Как сказал социолог Мануэль Кастелс (Manuel Castells): "Элиты - космополитичны, простые люди - локальны". Возможность стать частью этого транснационального мира, однако, ограничена небольшим меньшинством людей в индустриализованных странах и только миниатюрной горсткой людей из развивающихся стран.

Глобальная вовлечённость транснациональных экономических элит разъедает в них чувство принадлежности к национальной общине. Опрос мнения, проведенный в 1980-м году, показал, что, чем выше у людей доходы и образованность... тем в большей мере верность зависит от определённых условий... Они с большей долей вероятности, чем бедные и необразованные, могли сказать, что они покинут страну, если (это даст им возможность) удвоить доходы.

В начале 1990-х будущий министр труда Роберт Райх (Robert Reich) сделал сходное заключение, подметив, что "те в Америке, кто зарабатывали больше всех... отказывались от остальной части нации". Эта отступническая элита является, по словам Джона Миклетвейта и Адриана Вулдриджа (John Micklethwait and Adrian Woolridge), всё в большей мере отрезанной от остального общества: её члены обучаются в зарубежных университетах, проводят часть времени, работая за границей, и работают на организации, имеющие глобальное представительство. Они составляют мир внутри мира, связанный мириадами глобальных сетей, но изолиро-

ванный от более прикованных к одному месту членов их собственных обществ... Они с большей вероятностью проводят время в разговорах с равными себе во всём мире посредством телефона или электронной почты, чем в разговорах со своими соседями по дому, расположенному за углом.

Современные интеллектуалы усилили эти тенденции. Они отказываются от своей приверженности к своей нации и своим согражданам и проповедуют моральное превосходство в идентификации со всем человечеством. Эти наклонности процветали в академическом мире в 1990-е годы. Марта Нассбаум (Martha Nussbaum) из Чикагского университета развенчала наклонность к "патриотической гордости" как "морально опасную", призывала следовать космополитизму, как этически превосходному по отношению к патриотизму и заявляла, что люди должны направлять своё "чувство верности" к "мировому сообществу человеческих существ". Эми Гутманн (Amy Gutmann) из Принстонского Университета заявляла, что было "отвратительным", что американских студентов учат, что они "прежде всего граждане Соединённых Штатов Америки". Она написала, что "самая главная верность" американцев "должна быть не по отношению к Соединённым Штатам или какому-нибудь другому суверенному политическому сообществу", но по отношению к "демократическому гуманизму." Джордж Липшиц (George Lipshitz) из Калифорнийского Университета в Сан-Диего заявил, что "в последние годы патриотизм стал первым прибежищем для негодяев всех мастей". Ричард Сеннетт (Richard Sennett) из Нью-Йоркского Университета осудил "зло общей национальной идентификации" и высказал суждение о разрушении национального суверинитета как о "в общем позитивном феномене". Питер Спиро (Peter Spiro) из Ховстрского Университета с одобрением заключил, что теперь "всё труднее употреблять слово "мы" в контексте международных дел." В прошлом, люди использовали слово "мы" ссылаясь на государство-нацию, но теперь принадлежность к государству-нации "не обязательно больше определяет интересы или даже верность индивидуума на международном уровне".

Морализирующие транснационалы отвергают или сильно критикуют концепцию национального суверинитета. Они согласны с Генеральным секретарём ООН Кофи Аннаном в том, что национальный суверинитет должен уступить "индивидуальному суверинитету", чтобы международное сообщество могло действовать по предотвращению или прекращению грубых нарушений правительствами прав их граждан. Этот принцип служит основой для военных или других вмешательств Объединённых Наций во внутренние дела государств, практики, откровенно запрещённой Хартией ООН. В более широком плане моралисты стоят за верховенство международного права над национальным правом, большую законность решений, принятых скорее посредством национального международного, чем национального процесса, и расширение власти международных институтов по отношению к национальным правительствам. Морализирующие международные юристы разработали концепцию "международного права по обычаю" ("customary international law"), по которому нормы и практика, имеющие широкое распространение, могут служить основой для признания недействительными национальных законов.

Ключевым шагом, сделавшим этот принцип реальностью в Америке, было решение Протестного Суда второго уровня (Second Circuit Court of Appeals) от 1980 года, в котором была дана интерпретация положения 1789 года, предназначенного для защиты американских послов. В этом про-

цессе Филартига против Пена-Ирала (Filartiga vs Pena-Irala) суд установил, что граждане Парагвая, проживающие в Соединённых Штатах, могут начать гражданский процесс в американских судах против парагвайского государственного чиновника, которого они обвинили в убийстве парагвайца в Парагвае. Решение суда привело к тому, что некоторое число подобных случаев было подано в суды США. В этих процессах суды одной страны идут за пределы территориальной юрисдикции своей страны и утверждают своё право действовать по обвинениям в злоупотреблениям в сфере прав человека иностранцами против иностранцев в других странах. Моралистские международные юристы заявляют, что прецеденты в международном праве по обычаю преобладают над федеральными и государственными законами. Поскольку международное право по обычаю не подтверждено ни в статутах, ни в договорах, оно является, по замечанию видного учёного в области права Джереми Рабкина (Jeremy Rabkin), чем угодно, в чём эксперты убедят судью. Из-за этого существует большая вероятность того, что оно проникнет всё глубже и глубже во внутренние дела страны. Если существует норма международного права по обычаю против расовой дискриминации, то почему не должно существовать нормы против дискриминации по полу? А после этого почему бы также и против дискриминации на основе гражданства или языка, или сексуальной ориентации?

Моралистские международные юристы заявляют, что право в Америке должно соответствовать международным стандартам, и признать неизбираемых иностранных судей в одном ряду с американскими судьями и определять гражданские права американцев скорее по международным, а не по американским нормам. В общем, моралистские транснационалы верят в то, что Соединённые Штаты должны поддерживать создание трибуналов, таких как Международный криминальный суд, и выполнять их решения так же, как и решения Международного суда правосудия (International Court of Justice), Генеральной ассамблеи ООН и других похожих институтов.

Распространённость антипатриотичных взглядов в среде либеральных интеллектуалов привела к тому, что некоторые из них предупредили своих товарищей либералов о последствиях таких взглядов для будущего не Америки, но американского либерализма. Большинство американцев, как написал американский философ Ричард Рорти (Richard Rorty), гордятся своей страной, но "много исключений из этого правила может быть найдено в колледжах и университетах, в академических отделах, которые стали заповедником левофланговых политических взглядов". Эти леваки сделали "много хорошего для... женщин, американцев африканского происхождения, гомосексуалистов и лесбиянок... Но существует (одна) проблема с этим левым флангом: он непатриотичен." Он "низвергает идею национальной самоидентификации и чувство национальной гордости." Если левое крыло намерено сохранить влияние, оно должно осознать, что "чувство общей национальной идентификации... является абсолютно незаменимым компонентом гражданства". Без патриотизма, левое крыло не сможет достичь своих целей во имя Америки. Короче, либералы должны использовать патриотизм, как средство для достижения своих целей.

Патриотичная общественность

В то время, как представители американской деловой и интеллектуальной элит идентифицируют себя в большей степени с миром в целом и осознают себя как "граждане

мира", американцы в целом испытывают большую привязанность к своей нации. Огромное большинство американцев заявляют о своём патриотизме и выражают гордость за свою страну. Когда в 1991 году их спросили: "Насколько горды вы быть американцем?", 96% американцев ответили "очень горд" или "довольно-таки горд." Террористические атаки 9/11 не могли иметь и не имели большого эффекта на этот высокий уровень патриотического проявления; в сентябре 2002 года 91% американцев были "чрезвычайно" или "очень" горды быть американцами.

Эти подтверждения патриотизма и гордости могли бы быть менее значимыми, если бы люди в других странах ответили подобным образом. По преимуществу они так не отвечают. Американцы постоянно и подавляюще были впереди всех людей в проявлениях своего патриотизма и своей самоидентификации с их страной. Эта страна занимала первое место по национальной гордости среди 41- 65 стран рассмотренных в каждом Мировом обзоре ценностей (World Values Survey) 1981-82 гг., 1990-91 гг., и 1995-96 гг. с 96-98% американцев свидетельствующих, что они "очень гордятся" и "довольно-таки гордятся" своей страной.

Однако, степень их идентификации варьирует вместе с их социально-экономическим статусом, расой и местом рождения. В мировом обзоре ценностей 1990-91 гг., 98% родившихся в Америке, иммигрантов, белых людей не латиноамериканского происхождения, негров и 95% латиноамериканцев сказали, что они были очень горды или довольно-таки горды своей страной. Однако, когда их спросили об предпочтении о национальной самоидентификацией, всплыли различия. Тридцать один процент родившихся в Америке и белых людей нелатиноамериканского происхождения сказали, что их предпочтительная идентификация связана с Америкой, но этот процент резко снизился до 25 процентов среди негров, 19 процентов среди латиноамериканцев и 17 процентов для иммигрантов. Когда их спросили о готовности воевать за Америку, 81 процент белых людей нелатиноамериканского происхождения и 79 процентов родившихся в Америке сказали "да", по сравнению с 75 процентами иммигрантов, 67 процентами негров и 52 процентами латиноамериканцев.

Как показывают эти цифры, недавние иммигранты и потомки людей, ставших частью американского общества по принуждению, демонстрируют более неопределённое отношение по отношению к этому обществу, чем потомки переселенцев и более ранних иммигрантов. Негры и другие меньшинства храбро сражались в американских войнах. И всё же значительно меньшее количество негров, чем белых считают себя патриотами. В опросе, проведенном в 1989 году, 95 процентов белых и 72 процента негров сказали, что они считают себя "очень" или "в некоторой мере" патриотами.

В опросе 1998 года среди родителей детей школьного возраста 91 процент белых, 92 процента латиноамериканцев и 91 процент родителей-иммигрантов решительно или в некоторой мере согласились с заявлением "США являются лучшей страной, чем большая часть других стран в мире." Среди афро-американских родителей эта пропорция снизилась до 84 процентов. В других опросах различия между белыми и неграми просматривались как-то в меньшей мере, и всё-же опрос Геллапа, проведенный в сентябре 2002 года для ABC News-Washington Post показал, что 74 процента белых и 53 процента небелых сказали, что они были "чрезвычайно" горды быть американцами, что представляет собой большее различие, чем среди других основных социально-экономических категорий людей.

Однако в общем, с незначительными вариациями, американцы в подавляющем большинстве и сильно идентифицируют себя со своей страной, в особенности по сравнению с другими народами. В то время, как американские элиты, может быть, денационализируются, американцы, по меткому заключению одного из исполнителей опроса, остаются "наиболее патриотичным народом в мире".

Непредставительная демократия

Растущие различия между лидерами основных институтов (общества) и широкой публикой в вопросах внутренней и внешней политики, влияющих на национальную идентификацию, представляют собой значительную линию разлома, пролегающую через классовые, деноминационные, расовые, региональные и этнические различия. Разнообразными путями американский руководящий слой, правительственный и частный, всё в большей мере стал расходиться с американским народом. Америка, в политическом плане, остаётся демократией, потому что ключевые правительственные чиновники избираются путём свободных и справедливых выборов. Однако во многих отношениях (эта система) стала непредставительной демократией, потому что в ключевых вопросах, особенно в тех, которые включают национальную самоидентификацию, лидеры страны принимают законы и проводят политику противоположную взглядам американского народа. В тоже время, американский народ стал в ещё большей мере отстранён от политики и правительства.

Согласно опросу 1980 года, исключая предпринимательство и армию, современные американские элиты в таких сферах, как средства массовой информации, профсоюзы, религия, право и бюрократия, были почти что от двух до трёх раз более либеральными, чем публика в целом. Другой опрос обнаружил, что в вопросах морали элиты "являются постоянно более либеральными" по сравнению с рядовыми американцами. В особенности, подавляюще либеральными в своих взглядах являются элиты из правительства, благотворительных организаций и средств массовой информации. То же самое можно сказать и о профессуре. Радикальные студенты 1960-х стали полноправными профессорами, особенно в элитных учреждениях. Как заметил Стэнли Ротман (Stanley Rothman), "факультеты общественных наук в элитных университетах являются подавляюще либеральными и космополитичными или левыми. Почти что любая форма общественной лояльности или патриотизма считается реакционной". Либерализм имеет тенденцию идти рука об руку также и с нерелигиозностью. В исследовании Липсета и Лэдда (Lipset and Ladd) 1969 года, по крайней мере 71 процент еврейской, католической и протестантской профессуры, идентифицировавшей себя либералами, также идентифицировали себя как "в общем против религии".

Эти различия в идеологии, национализме и религии приводят к различиям в вопросах внутренней и внешней политики, имеющих отношение к национальной самоидентификации. Общественность в подавляющем большинстве озабочена обеспечением военной безопасности, общественных гарантий, отечественной экономики и суверенитета. Элиты в сфере внешней политики в меньшей степени озабочены этими вопросами и заботятся больше, чем остальная публика, об отстаивании США международной безопасности, мира, глобализации и экономического развития других государств. Существует, по заключению Джека Цитрина (Jack Citrin), "пропасть между отстаиванием элитой интересов

многокультурности и упрямая поддержка массами ассимиляции в единую национальную общность". Параллельный разрыв между националистической общественностью и космополитическими элитами имеет наиболее драматическое воздействие на взаимоотношения между американской идентификацией и внешней политикой. В исследовании 1994 года Цитрин с соавторами пришли к выводу, что уменьшающийся консенсус относительно международной роли Америки происходит из уменьшающегося согласия в вопросе о том, что значит быть американцем и о самом характере американского национализма. Внутренняя поддержка длительной гегемонии космополитического либерализма и интернационализма после Второй мировой войны изнасилась, совершенно независимо от факта того, что Соединённые Штаты больше не противостоят могучему в военном отношении противнику.

Широкая публика и элиты соглашались по многим вопросам внешней политики. И всё же, в общем, различия между ними значительно превосходят схожесть. Широкая публика националистична, элиты - транснациональны. Например, в 1998 году, от 22 до 42 процентов случаев существовали различия между подходами широкой публики и представительной группы лидеров в сфере внешней политики по 34 важным вопросам в сфере внешней политики. В шести опросах общественного мнения, проведенных между 1978 и 1998 годами, доля элит в сфере внешней политики, благоприятно относящихся к активной роли США в мире, никогда не составляла ниже 96 процентов. Доля широкой публики, благоприятно относящихся к такой роли, никогда не поднималась выше 65 процентов. За несколькими исключениями, широкая публика постоянно высказывала большее нежелание, чем лидеры, использовать Вооружённые силы США для защиты других стран против вторжения. С другой стороны, широкая публика больше обеспокоена беспорядками ближе к дому, проявляя готовность поддержать туземное восстание против режима Фиделя Кастро и использовать силу в Мексике, если бы там существовала угроза революции. Однако, начитательное большинство граждан также верят, что Соединённые Штаты не должны действовать в международных кризисах в одиночку, без поддержки со стороны своих союзников, по сравнению меньше чем с половиной представителей элит, заявляющих, что мы не должны действовать таким образом. Пятьдесят пять процентов широкой общественности также одобрили участие Америки в "международных силах ООН в беспокойных частях света".

Разрыв между общественностью и элитой особенно велик в вопросе экономических отношений между Америкой и остальным миром. В 1998 году 87 процентов лидеров и 54 процентов широкой публики считали, что экономическая глобализация была хорошим делом для Америки, при том, что 12 процентов лидеров и 35 процентов широкой публики имели противоположное мнение. Четыре пятых широкой публики, но меньше половины лидеров в области внешней политики думают, что сохранение рабочих мест в Америке должно быть "очень важной задачей" правительства США. Пятьдесят и более процентов публики, но никогда более трети лидеров поддерживали уменьшение экономической помощи другим странам. В различных опросах общественного мнения шестьдесят или более процентов публики поддерживали тарифы; сходные доли лидеров благоприятно относились к их уменьшению или устранению. Похожие различия существуют по отношению к иммиграции. В двух опросах общественного мнения, проведенных в 1990-е годы,

74 и 57 процентов широкой публики и 31 и 18 процентов среди элиты в сфере внешней политики считали, что большое количество иммигрантов было "критической угрозой" для Соединённых Штатов.

Эти и другие различия между элитами и широкой публикой привели к возникновению увеличивающегося разрыва между предпочтениями публики и политикой, закреплённой в федеральном законодательстве и регулирующих актах. Одно исследование, посвящённое вопросу о том, следуют ли соответствующие изменения в политике перемене общественного мнения по широкому кругу вопросов, показало устойчивое уменьшение, начиная с 1970-х, когда была отмечена 75-процентная совпадение между общественным мнением и политикой правительства, до 67 процентов в 1984-87 годах, 40 процентов в 1989-92 годах и 37 процентов в 1993-94 годах. Авторы этого исследования пришли к выводу, что "обобщённые данные указывают на устойчивую модель, начиная с 1980-х годов: в общем низкий и временами уменьшающийся уровень соответствия общественному мнению, особенно во время первых двух лет президентства Клинтона". Поэтому, они заключили, не существует оснований для мыслей о том, что Клинтон или другие политические лидеры "потворствовали публике". Один из аналитиков сделал заключение, что "вызывающий беспокойство разрыв между тем, что простые американцы считают надлежащей ролью Сондинённых Штатов в мировых делах и взглядами лидеров, ответственных за осуществление внешней политики, всё увеличивается". Политика правительства в конце XX-го столетия всё больше и больше отклонялась от предпочтений американской публики.

Уклонение политических лидеров от "потворствования" публике вызвало предсказуемые последствия. Когда политика правительства во многих важных вопросах резко отклоняется от взглядов широкой публики, можно ожидать потери публикой доверия к правительству, уменьшения интереса к принятию участия в политике и обращению к альтернативным способам участия в политической жизни, неподконтрольным политическим элитам. Всё это случилось в конце XX-го столетия. Все три реакции имели под собой, без сомнения, много причин, которые учёные в сфере общественных наук всестороннее изучили, и одна тенденция - уменьшение доверия к правительству - произошла в большинстве индустриальных демократий. И всё же, по крайней мере в отношении Соединённых Штатов, можно предположить, что растущий разрыв между предпочтениями публики и политикой правительства внёс свой вклад во все три тенденции.

Во-первых, уверенность общественности и доверие к правительству и главным частным институтам американского общества драматически уменьшались от 1960-х годов к 1990-м. Как указали трое заслуженных учёных, на каждый вопрос относительно уверенности в своём правительстве в 1960-е годы около двух третей публики выразили эту уверенность и только около одной трети - в 1990-е годы. Например, в апреле 1966 года, в условиях грохочущей войны во Вьетнаме и расовых беспорядков в Кливленде, Чикаго и Атланте, 66 процентов американцев отвергли мнение, что "людям, управляющим страной на самом деле безразлично то, что происходит с ними". В декабре 1997 года, посреди наиболее длительного, более, чем в двух поколениях, периода мира и процветания, 57 процентов американцев это же самое мнение подтвердили. Подобное уменьшение произошло на протяжении этих десятилетий и в уровне уверенности общественности в главных правительственных и ча-

стных институтах. Только два невыеборных института правительства, Верховный суд и Вооружённые силы, показали увелечение уверенности общественности в них.

Во-вторых, как показали много исследований, участие и интерес публики в главных правительственных и частных институтах американского общества уменьшались довольно-таки постоянно с 1960-х по 1990-е. Шестидесят три процента взрослого населения приняло участие в голосовании в 1960-м году, но только 49 процентов в 1996 году и 51 процент в 2000 году. Вдобавок к этому, по наблюдениям Томаса Пэттерсона (Thomas Petterson), начиная с 1960 года, уменьшилось участие практически в каждой сфере выборной деятельности, от добровольцев, принимающих участие в кампаниях до телезрителей, просматривающих телевизионные дебаты. В Соединённых Штатах было на 100 миллионов меньше населения в 1960-м году, чем в 2000 году, но даже при этом больше зрителей наблюдала президентские дебаты в октябре 1960-го года, чем это было в 2000 году.

В 1970-х годах один из трёх налогоплательщиков выделял доллар из своих налогов для фонда, созданного Конгрессом, по поддержке политических кампаний. В 2000 году, это сделал каждый восьмой.

Третьим последствием разрыва между лидерами и публикой была драматическая пролиферация инициатив по главным политическим вопросам, включая те, которые относятся к национальной идентификации. Инициативы были инструментом прогрессивных реформ до Первой мировой войны. После этого их употребление постоянно уменьшалось от пятидесяти на двухлетний избирательный цикл до двадцати, зафиксированных в начале 1970-х. По мере того, как законодатели стали безразличными к заботам своих избирателей, инициативы резко стали снова популярными, начиная с июня 1978 года, когда 65 процентов избирателей Калифорнии одобрили Предложение №13, резко лимитируя налоги, не смотря на оппозицию фактически всего политического, делового и медийного руководства штата. Это привело к утроению инициатив, в среднем до шестидесяти одной на двухлетний избирательный цикл, начиная с конца 1970-х и до 1998 года. Пятьдесят пять инициатив были представлены на голосование в 1998 году, 69 - в 2000 году и 49 - 2002 году. Между 1980 и 2002 годами было отмечено 14 инициатив относительно американской национальной идентификации, по которым проводилось голосование в шести штатах: шесть отвергающих два официальных языка, шесть утверждающих употребление английского языка или объявляющих английский язык официальным языком штата, и две - отвергающих расовые предпочтения. Во всех этих горячо обсуждавшихся дебатах политические, административные, академические, информационные, религиозные, профессиональные и деловые элиты штатов в подавляющем большинстве выступили против инициатив. Во всех этих дебатах, за исключением одного случая, общественность одобрила эти инициативы большинством в среднем от 63 процентов до 85 процентов. В своей статье "Демократия, пущенная под откос" (Democracy derailed) Давид Бродер (David S. Broder) сделал заключение, что "доверие между управляющими и управляемыми, от которого зависит представительное правительство, в большой степени истощилось". В сегодняшней Америке существует большой разрыв между национальной элитой и широкой публикой по вопросам отличительных черт национальной идентификации в сравнении с другими идентификациями и о должной роли Америки в мире. Значительное число элитных элементов всё в большей степени находится в разводе с их страной, а публика в Америке

ке, в свою очередь, всё в большей степени разочарована в своём правительстве.

Америка в мире.

Тем, как элиты и рядовые граждане Америки определяют свою страну, определяется и её роль в мире, но то, как мир рассматривает эту роль, также формирует американскую идентификацию. Существует три широкомасштабные концепции об Америке относительно её отношений с остальным миром. Американцы могут принять мир - то есть открыть свою страну для других людей и культур. Они могут попытаться перекроить другие общества в соответствии с американскими ценностями и культурой. Они могут стремиться к тому, чтобы поддерживать своё общество и культуру, выделяющиеся от других народов.

Первая, или космополитическая, альтернатива включает возобновление тенденций, доминировавших в Америке до 11 сентября. Америка принимает мир к себе, его идеи, его товары и, что наиболее важно, его людей. Идеалом было бы открытое общество с открытыми границами, способствующее (существованию в рамках одной нации) этнических, расовых и культурных идентификаций, двойного гражданства, диаспор и которое руководилось бы элитами, которые всё в большей степени идентифицировали бы себя скорее с планетарными институтами, нормами и правилами, чем с национальными. Америка должна быть мультиэтничной, мультирасовой, мультикультурной. Разнообразие является одной из главных, если не главной ценностью. Чем больше людей привносят в Америку разных языков, религий и обычаев, тем больше Америка становится американской. Американцы среднего класса всё в большей степени идентифицировали бы себя с глобальными корпорациями, на которые они работают, а не с местными общинами, где они живут. Действия американцев всё в большей и большей степени руководились бы не федеральным правительством и правительствами штатов, а правилами, установленными международными институтами, такими как ООН, ВТО, международное право по обычаю и глобальными договорами. Национальная идентификация теряет свои отличительные черты по сравнению с другими идентификациями. В этой космополитической альтернативе мир перекраивает Америку.

В имперской альтернативе Америка перекраивает мир. С концом холодной войны был устранён коммунизм, как главенствующий фактор, формирующий роль Америки в мире. И это, в свою очередь, дало возможность либералам преследовать свои цели во внешней политике без оглядки на возможные обвинения в том, что эти цели подвергают риску национальную безопасность и, таким образом, продвигать на практике "строительство наций", "гуманитарную интервенцию" и "внешнюю политику, как деятельность в сфере социальной помощи." Появление Соединённых Штатов в качестве единственной сверхдержавы возымело параллельный эффект на американских консерваторов. Во время холодной войны враги Америки развенчивали её как имперскую державу. В начале нового тысячелетия консерваторы приняли и поддержали идею Американской империи - независимо от того, приняли они этот термин или нет - и использование мощи Америки для перекройки мира в соответствии с американскими ценностями.

Таким образом, имперский импульс подогревался верой в главенство американской мощи и универсальность американских ценностей. Из-за того, что мощь Америки намного превосходит мощь других наций, на Америке лежит от-

ветственность за создание порядка и противостояние злу во всём мире. Согласно универсалистскому подходу, люди в других обществах имеют, в общем, такие же ценности, что и американцы, а если они их не имеют, то они хотят их иметь, или если они их не хотят, то они ошибаются относительно того, что хорошо для их общества, и на американцах лежит ответственность мотивировать их или привести их к принятию универсальных ценностей, которых придерживается Америка. В таком мире Америка утрачивает свою идентификацию как нация и становится доминирующей составной частью наднациональной империи.

Однако ни подход главенства Америки, ни универсалистский подход не отражают точно состояние мира начала 21 века. Америка является единственной сверхдержавой, но существуют другие большие державы: Великобритания, Германия, Франция, Россия, Китай, Индия и Япония на глобальном уровне, а также Бразилия, Нигерия, Иран, Южная Африка и Индонезия на региональных уровнях. Америка не может достигнуть никакой значительной цели в мире без кооперации, по крайней мере, некоторых из этих стран. Культура, ценности, традиции и институты других обществ часто не совпадают при наложении на американские ценности. Также люди, населяющие эти общества, в общем чувствуют себя глубоко приверженными своему местному укладу жизни и верованиям и, таким образом, яростно сопротивляются усилиям, направленным к их изменению со стороны чужаков из других стран. Вдобавок к этому, вне зависимости от целей их элит, широкая публика Америки постоянно ставила продвижение демократии за рубежом в разряд целей низшего порядка. Внедрение демократии в других обществах, также часто стимулирует антиамериканские силы, такие как популистские движения в латиноамериканских странах и яростные, экстремистские движения в мусульманских странах.

Космополитизм и империализм делают попытку уменьшить или устранить социальные, политические и культурные различия между Америкой и другими обществами. Национальный подход мог бы провести различие и принять то, что отличает Америку от других обществ. Америка не может стать миром и оставаться при этом Америкой. Другие народы не могут стать американцами и оставаться при этом самими собой. Америка имеет (свои) отличия, и эти отличия определены преимущественно её религиозной приверженностью и англо-протестантской культурой. Как альтернатива космополитизму и империализму, национализм стоит за предохранение и усиление тех качеств, которые определяли Америку с момента её зарождения.

На протяжении почти что четырёх столетий англо-протестантская культура переселенцев-основателей была центральным и постоянным компонентом американской самоидентификации. Задайтесь только вопросом: была бы Америка такой, какой она является сегодня, если бы в XVII-м и XVIII-м веках она была бы заселена не протестантами из Британии, а католиками из Франции, Испании и Португалии? Ответом будет "нет". Это был бы Квебек, Мексика или Бразилия.

Американская англо-протестантская культура скомбинировала в себе политические и общественные институты и практику, которые она унаследовала от Англии, что включает в себя, наиболее заметно, английский язык вместе с концепциями и ценностями диссидентского протестантизма, который сошёл на нет в Англии, но который переселенцы привезли с собой, и он начал новую жизнь на новом континенте. Вначале, по словам Алдена Вогана (Alden T.

Voughan), почти-что всё было фундаментально английским: формы собственности на землю и её культивации, правительственная система и основной формат законов и правовых процедур, выбор развлечений и форм отдыха и бесчисленные другие аспекты колониальной жизни.

Артур Шлезингер (Arthur Schlesinger, Jr.) соглашается с этим: "язык новой нации, её законы, её институты, её политические идеи, её литература, её обычаи, её представления, её молитвы преимущественно произошли из Британии".

Эта изначальная культура, с адаптациями и модификациями, просуществовала триста лет. Двести лет после того, как Джон Джэй (John Jay) в 1789 году определил шесть общих и центральных для американцев элементов, одного из них - общих предков - больше не было. Несколько из оставшихся пяти - языка, религии, принципов управления, обычаев и манер, боевого опыта - были модифицированы или разбавлены. И всё-же, в фундаментальных аспектах, компоненты американской самоидентификации Джэя, всё ещё определяли американскую культуру в XX-м столетии. Протестантизм был главным и непреходящим по важности. В отношении языка, усилия немецких переселенцев XVIII-го века в Пеннсилвании сделать немецкий язык равноценным английскому привели Бенджамина Франклина (Benjamin Franklin), и других, в ярость и не увенчались успехом. По крайней мере, до появления двуязычия и большой концентрации испаноговорящих иммигрантов в Майями и на Юго-западе, Америка была уникальной в смысле огромной страны, населённой более чем 200 миллионами человек и говорящими практически на одном и том же языке.

На протяжении XIX-го века и до конца XX-го века, иммигранты были разными путями мотивированы, подталкиваемы и убеждаемы принять центральные элементы англо-протестантской культуры. Современные культурные плюралисты, мультикультуристы и люди, выступающие в защиту этнических и расовых меньшинств, подтверждают успех этих усилий. Майкл Новак (Michael Novak) в 1977 году сделал колкий комментарий, что южно- и восточноевропейские иммигранты подвергались нажиму, направленному на то, чтобы они стали "американцами" путём принятия англо-американской культуры: американизация "была процессом широкой психологической репрессии". В похожих выражениях Вилл Кымлика (Will Kymlicka) в 1995 году заявил, что до 1960-х годов, от иммигрантов "требовалось расстаться с их отличительным наследием и полностью ассимилироваться в существующие культурные нормы", к которым он прицепил ярлык "англо-конформистской модели".

Эти критики правы. Во всей американской истории, люди, которые не были англо-саксонскими протестантами, становились американцами путём принятия англо-протестантской культуры и политических ценностей. Это шло на пользу и им, и стране.

Миллионы иммигрантов и их детей достигли богатства, власти и положения в американском обществе именно потому, что они ассимилировали себя в преобладающую американскую культуру. Поэтому нет оснований для заявлений, что американцам нужно выбирать между самоидентификацией белых, расистских англосаксонских протестантов, с одной стороны, и абстрактной, мелкой гражданской самоидентификацией, зависящей от приверженности к опреде-

лённым политическим принципам, с другой стороны. В сердцевине их самоидентификации лежит культура, созданная переселенцами, которая была поглощена поколениями иммигрантов и которая родила американское вероисповедание. В сердцевине этой культуры лежал протестантизм.

Америку от других западных обществ отличает религиозность. Американцы также, в подавляющем большинстве являются христианами, что отличает их от многих народов, не принадлежащих Западу. Религиозность ведёт к тому, что американцы видят мир через призму добра и зла в гораздо большей степени, чем большинство других народов. Лидеры других обществ считают эту религиозность не только необычной, но и раздражительной из-за связанного с ней глубокого морализма при рассмотрении политических, экономических и социальных вопросов.

Религия и национализм в истории Запада шли рука об руку. Как показал историк Адриан Хейстингз (Adrian Hastings), первое часто определяло содержание второго: "Каждая этническая группа формируется в большой мере религией так же, как и языком.... В Европе христианство определило формирование наций". Связь между религией и национализмом жила и процветала в конце XX-го столетия. Те страны, которые более религиозны, имеют тенденцию к большему национализму. Обзор страны показал, что те общества, в которых больше людей дают "высокие оценки" важности Бога в их жизни, также являются обществами, в которых больше людей "очень гордятся" своей страной.

Внутри стран отдельные личности, которые более религиозны, также чаще являются более националистичными. Обзор, по большей части европейских, стран 1985 года обнаружил, что "в каждой рассматриваемой (в этом обзоре) стране, те, кто говорил, что они нерелигиозны, были значительно менее склонны гордиться своей страной." В среднем, разница составляет 11 процентов. Большинство европейцев находятся на низких позициях в отношении веры в Бога и гордости за свои страны. Америка, вместе с Ирландией и Польшей, занимает близкие к первым позиции в обоих отношениях. Католичество является незаменимым компонентом ирландской и польской национальной самоидентификации. Диссидентский протестантизм занимает центральное положение в американской самоидентификации. Американцы в подавляющем большинстве привержены Богу и стране и рассматривают их неразделимо. В мире, где религия формирует чувство верности, союзы и антагонизмы между людьми на каждом континенте, не должно стать сюрпризом то, что американцы снова обратятся к религии для того, чтобы найти свою национальную самоидентификацию и свою национальную цель.

Значительные элементы американских элит смотрят одобрительно на превращение Америки в общество космополитов. Другие элиты желают взять на себя имперскую роль. Подавляющее большинство американцев привержены национальной альтернативе и сохранению, а также усилению вековой американской самоидентификации.

Америка становится миром. Мир становится Америкой. Америка остаётся Америкой. Космополитичной? Имперской? Националистичной? Выбор, делаемый американцами, сформирует их будущее, как нации, и будущее мира.